

В зале Сунь Мяо осмелилась поднять голову и уставилась на Жун Цзюэ. Тот, словно почувствовав это, спустился с девяти ступеней и подошёл к ней, их взгляды встретились. Сунь Мяо мгновенно покраснела. Жун Цзюэ помог ей подняться и сказал:

— Твой отец человек высоких принципов, но почему-то вдруг вмешался в мои личные дела.

Сунь Мяо прикусила губу, собираясь ответить, но услышала лёгкий вздох Жун Цзюэ:

— Почему ты хочешь выйти за меня замуж?

Её глаза, полные нежности, слегка опустились, и она мягко ответила:

— Ваша подданная восхищается Вашим Величеством.

Жун Цзюэ почувствовал, что у него словно две головы, и мысленно пробормотал:

— Когда же я успел тебя задеть, барышня?

Сунь Мяо, кажется, уловила его мысли, и в её глазах мелькнула тень разочарования. Однако, вспомнив, что Жун Цзюэ уже выбрал её, она поклонилась и мягко сказала:

— Ваше Величество, возможно, не помните. В 32-й год правления Лунъю, на праздновании Юаньсяо, во время дворцового банкета, я видела Ваше Величество.

Жун Цзюэ попытался вспомнить.

32-й год Лунъю, праздник Юаньсяо. Император устроил банкет, пригласив важных сановников. Этот королевский приём, номинально для совместного празднования, на самом деле был организован для выбора подходящих пар для нескольких принцев и принцесс. Приглашённые сановники могли привести своих детей и родственников, и все понимали, что привезут своих самых красивых, воспитанных и образованных сыновей и дочерей.

— Этот банкет был устроен, чтобы выбрать тебе невесту? — Ци Нин внезапно появился, опираясь на ворота резиденции Седьмого принца, преграждая путь Жун Цзюэ, который собирался выйти.

Жун Цзюэ явно удивился, отдёргнув ногу.

— Где ты был с утра, что так внезапно прыгнул? Не боишься, что Лин Чэ примет тебя за вора и изобьёт?

— Куда ты идёшь? Возьми меня с собой, — Ци Нин обнял Жун Цзюэ за шею, притягивая к себе.

Жун Цзюэ не знал, смеяться ли ему или плакать. Где это видано, чтобы слуга вёл себя так? Лин Чэ, стоявший рядом, уже был сердит, но сдерживался, зная, что даже если бы он попытался вмешаться, его остановил бы сам хозяин.

— Не ходи со мной во дворец, твоё развязное поведение может привлечь внимание отца, и тогда тебе не поздоровится, — Жун Цзюэ слегка толкнул его локтем в живот. Ци Нин улыбнулся и отпустил Жун Цзюэ.

Лин Чэ с презрением усмехнулся:

— В резиденции Пятого принца он бы так не посмел. Это всё потому, что... — Не закончив

фразу, он получил лёгкий шлепок по голове от Жун Цзюэ, заставивший его проглотить оставшиеся слова: «Ты его избаловал».

— Я буду вести себя хорошо, совершенно не нарушая правил, возьми меня с собой, я ещё ни разу не был во дворце.

— Нет.

— Пожалуйста, хозяин.

— Нет.

— Тогда я пойду сегодня вечером в башню Инчунь.

— Ты...

Башня Инчунь была известным борделем в столице, славившимся своими молодыми мужчинами, которые, как говорили, были мастерами во всех искусствах. В ночь Юаньсяо столица наверняка будет переполнена людьми, и Ци Нин, который и так привлекал внимание, мог бы навлечь на себя неприятности, если бы его увидели в таком месте.

Жун Цзюэ задумался, а Ци Нин, уловив его колебания, опустил на одно колено, с мольбой в глазах.

Лин Чэ, увидев это, вздохнул в душе: этот парень буквально держит Седьмого принца в своих руках.

И действительно, Жун Цзюэ помог ему подняться:

— Ладно. Но веди себя прилично, не создавай мне проблем.

В тот вечер Жун Цзюэ и Жун Мян сидели рядом с императором и драгоценной супругой Хуэй. Лин Чэ, Ци Нин и другие слуги стояли за сановниками.

— Ах... — Жун Цзюэ вдруг вспомнил тот вечер, когда он, беспокоясь о том, чтобы Ци Нин не допустил никаких неподобающих поступков, время от времени бросал взгляды в его сторону. Возможно, именно тогда старшая дочь семьи Сунь, сидевшая в том углу, неправильно истолковала его взгляды.

Сунь Мяо, увидев выражение лица Жун Цзюэ, слегка улыбнулась, её щёки покраснели ещё больше:

— Ваше Величество вспомнили?

Неужели эта судьба была подарена ему тем парнем?

— Ваша подданная знает, что Ваше Величество глубоко привязано к Императрице и даже лично выражало ей свою любовь. Но с того момента я не могла забыть Ваше Величество, каждый день думала о Вас и больше не хотела выходить замуж за кого-то другого, даже если бы это было в качестве наложницы... — Для дочери Великого секретаря открытое признание в любви было нелегким делом. Закончив говорить, она уже была на грани слёз.

Сунь Мяо была красавицей, и её застенчивый, полный нежности вид тронул Жун Цзюэ.

— Матушка считает, что, поскольку брат только что ушёл, церемония должна быть скромной, и ты будешь обижена. Я вскоре издам указ, возведу тебя в ранг наложницы, и все твои вещи во дворце будут соответствовать стандартам драгоценной супруги, выбирай, что хочешь.

Сунь Мяо была поражена и поспешно ответила:

— Ваша подданная смущена, мне ничего больше не нужно, только служить Вашему Величеству.

Жун Цзюэ почувствовал симпатию к этой образованной и искренней девушке и кивнул:

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Фан Ляочжи был прав: Чжао Жунцзюэ действительно хотел навести порядок среди сановников. Когда он был принцем, его репутация доброго и чувствительного человека была широко известна. Теперь, когда он только взошёл на трон, большинство старых министров, которые следовали за его отцом в битвах, с их военными заслугами, не воспринимали его императорское величие всерьёз. За исключением редких набегов на северной границе, сейчас в стране царил мир, и ему было нелегко изменить ситуацию, сложившуюся при правлении Лунъю, когда в правительстве преобладали военные.

— Два года назад, во время государственных экзаменов, Ваше Величество уехало из столицы, чтобы развлечься, и не обратило внимания на новых кандидатов, в результате чего несколько талантливых людей оказались под крылом Пятого принца. Теперь, когда нужны люди, Вы пожалели об этом, — Фан Ляочжи, наблюдая, как Жун Цзюэ размышляет уже полчаса, наконец заговорил.

Лин Чэ внутренне вздрогнул, подумав: «Ты сам не дорожишь своей жизнью, но почему ты всегда выбираешь момент, когда я на дежурстве, чтобы навлечь на себя беду?» Хотя он так думал, он также чувствовал, что слова Фан Ляочжи были справедливы, и невольно взглянул на профиль Жун Цзюэ.

Жун Цзюэ, который до этого был в задумчивости, внезапно оживился, но не разозлился, а лишь поднял бровь и, глядя на Фан Ляочжи, с улыбкой на губах сказал:

— Сегодня ты не притворяешься дурачком? Вспомнил, что натворил?

Фан Ляочжи горько улыбнулся:

— Ладно, допустим, это я сделал. Тогда Ваше Величество позволит мне искупить свою вину?

Жун Цзюэ немного помолчал:

— Что ты предлагаешь?

— Следующий год — год государственных экзаменов, но если Ваше Величество хочет использовать людей сейчас, нужно выбирать из старых кадров. Среди тех, кто сдал экзамены в 33-м году Лунъю, половина служит за пределами столицы, а несколько человек, рекомендованных Жун Мянем, были назначены на должности в Министерство церемоний, Министерство финансов, Палату Дали и Приказ императорских конюшен по указанию покойного императора. Хотя Жун Мянь оказал им поддержку, он уже мёртв, и теперь это Ваше Величество на троне. Если Ваше Величество готово забыть прошлое и использовать их, они должны будут оценить Вашу милость.

Фан Ляочжи говорил, называя Жун Мяня по имени, что заставило Жун Цзюэ нахмуриться.

— Ваше Величество не удостоило Пятого принца посмертного титула, и я не знаю, как его называть. Все в правительстве считают, что Ваше Величество ненавидит своего брата, и многие действия совершаются с учётом этого. Если Ваше Величество удостоит Пятого принца титула князя, это покажет Вашу доброту и позволит старым сторонникам Жун Мяня служить Вам верно, не задумываясь о предательстве. Как Вы считаете? — Фан Ляочжи, наблюдая за выражением лица Жун Цзюэ, продолжил.

Лин Чэ, стоявший рядом, услышав эти слова, напряг все свои чувства. Жун Цзюэ не уничтожил старых сторонников Жун Мяня, что уже было великодушием. Вдовствующая императрица, чтобы защитить людей из резиденции Жун Мяня от преследований, даже издала указ о их роспуске до того, как Жун Цзюэ взшёл на трон. Никто в правительстве не осмелился бы сказать такое, даже вдовствующая императрица не посмела бы уговорить Жун Цзюэ удостоить Жун Мяня посмертного титула, потому что никто не мог предсказать, как он отреагирует. Теперь Жун Цзюэ явно воспринимал Фан Ляочжи как замену Ци Нин, и для человека с такой чувствительной позицией было невероятно смело произносить такие слова.

В императорском кабинете царил тишина, слышно было, как падает иголка.

— Покойный император уважал Ваше Величество, зная, что Вы добры и не будете вредить братьям, — Фан Ляочжи добавил ещё одну фразу.

Эти слова заставили Жун Цзюэ взорваться:

— Дерзость!

Фан Ляочжи подошёл к столу Жун Цзюэ и опустился на колени:

— Ваше Величество, в моём сердце только Вы. Я оскорбил Ваше величие только для того, чтобы помочь Вам. Если Ваше Величество злитесь, накажите меня, но, когда гнев пройдёт, прошу Вас подумать ещё раз.

Лин Чэ, глядя на Фан Ляочжи, который касался лбом пола с искренностью, снова вспомнил его слова в тот день у себя дома и почувствовал беспокойство, что его снова избыют. Он хотел было попросить о снисхождении, но, прежде чем он успел открыть рот, услышал приказ Жун Цзюэ.

— Лин Чэ, дай ему десять ударов плетью, — холодно произнёс Жун Цзюэ.

Лин Чэ, вспомнив о множестве шрамов на теле Фан Ляочжи, колебался, не решаясь ударить, и тихо сказал:

— Хозяин, он ведь прав...

— Ты тоже хочешь получить плетью? — Разозлился Жун Цзюэ.

— Лин Чэ, бей, — Фан Ляочжи снова поклонился и добавил. — Ваше Величество, в моём сердце только Вы, всё, что я прошу, только для Вас, и я не испытываю никаких личных чувств к Жун Мяню, прошу Ваше Величество поверить мне.

Жун Цзюэ бросил чашку на пол, его глаза покраснели. В императорском кабинете разлетелись осколки фарфора.

<http://bllate.org/book/16817/1564699>